

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1853 г. ¹⁾.

Январь 7. Вчера былъ въ засѣданіи правленія „Общества посѣщенія бѣдныхъ“. Объявлено, что попечительство, послѣ покойнаго герцога Лейхтенбергскаго, принимаетъ на себя великій князь Константинъ Николаевичъ. Государь уже изъявилъ свое согласіе. И такъ опасность миновала: общество не перестанетъ существовать подъ охраною сильной руки. Князь (В. О.) Одоевскій говорилъ, что великій князь намѣренъ усердно заняться дѣлами „Общества“. Онъ до сихъ поръ мало зналъ о немъ и былъ даже противъ него предубѣжденъ. Но теперь ближе съ нимъ познакомился и дѣятельность общества, очевидно, пришлась ему по душѣ. Мы сначала предлагали попечительство великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ. Она это очень хорошо приняла, благодарила за то, что вспомнили о ней, но все-же отказалась, предложивъ, вмѣсто себя, своего брата.

Герцогъ Лейхтенбергскій былъ хорошій человекъ. Его всѣ любили за любезное, гуманное обращеніе, и когда онъ умеръ, буквально говоря—весь Петербургъ о немъ сожалѣлъ. Онъ ревностно занимался дѣлами нашего Общества и только ему оно

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; нояб., стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; июнь, стр. 577—598; т. LXIII, июль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 323 — 334; декабрь, стр. 727 — 758; изд. 1890 г., т. LXV, январь, стр. 35 — 53; февраль, стр. 371—406; мартъ, стр. 629—653.

обязано тѣмъ, что уцѣлѣло въ послѣднія смутныя времена. Въ четвергъ назначено общее собраніе, будто бы для избранія новаго попечителя, но это только для соблюденія формы.

8. Праздники кончены. Лекція въ университетѣ. Меня встрѣтилъ (П. А.) Плетневъ съ изъявленіями благодарности и прочее, за мою статью о „Жуковскомъ“, которую уже прочелъ въ первомъ номерѣ „Отечественныхъ Записокъ“.

— Вы попали прямо въ суть дѣла, сказалъ онъ мнѣ, — и превосходно опредѣлили Жуковского со всѣхъ сторонъ. Особенно хорошо опредѣлены у васъ отношенія его къ обществу. Я самъ старался вездѣ показывать, что дѣятельность писателя есть гражданская заслуга.

До меня вообще доходятъ вѣсти, что статья моя принята въ публикѣ очень хорошо. Это ободряетъ меня на писаніе дальнѣйшихъ очерковъ.

Вчера же обѣдалъ у Домонтовича и, по обыкновенію, встрѣтилъ тамъ (Н. В.) Кукольника, сіяющаго отъ успѣха своей новой пьесы: „Костровъ“. Онъ обѣщалъ мнѣ билетъ: конечно, надуетъ. За обѣдомъ Кукольникъ исправно потягивалъ благородный хересъ и смотрѣлъ съ презрѣніемъ на мою рюмку съ лафитомъ, до которой я едва касался.

14. Сегодня былъ у двухъ министровъ: у министра внутреннихъ дѣлъ, Бибикова, и у министра народнаго просвѣщенія, князя Ширинскаго-Шихматова. Бибикову я представлялся въ первый разъ еще. Рѣчь, разумѣется, шла о римско-католической академіи. Я долженъ былъ объяснить ему въ краткихъ чертахъ правила, которымъ я слѣдую тамъ: „не касаться ни политики, ни религіи, а, по возможности, внушать молодымъ людямъ любовь и довѣріе къ нашей общей матери—Россіи“.

— Такъ вы не касаетесь съ ними вопросовъ географическихъ, не разсуждаете о соединеніи церквей? спросилъ Бибиковъ.

„Это не имѣетъ ничего общаго съ моимъ предметомъ, отвѣчалъ я.—Мое дѣло чисто національно-нравственное“.

— А вы довольны ихъ направленіемъ?

„Вполнѣ доволенъ. Вотъ уже десять лѣтъ, что я у нихъ преподаю и, вромѣ хорошаго, ничего не могу о нихъ сказать“.

— Прекрасно. А какъ они по русски знаютъ? продолжалъ спрашивать министръ.

„Весьма удовлетворительно. Разумѣется, они не обходятся безъ грамматическихъ ошибокъ, но пусть лучше дѣлаютъ ошибки противъ языка, чѣмъ противъ сердца. Я больше всего стараюсь, чтобы они полюбили нашъ языкъ, наши преданія, нашъ бытъ. Они чрезвычайно внимательно слѣдятъ за моими лекціями“.

— Ну, вотъ и отлично. Это-то и надо. И государь того-же желаетъ. А что митрополитъ? Онъ, кажется, умный мужикъ?

„Митрополитъ Головинскій, отвѣчалъ я, — весьма умный и тонко образованный человѣкъ“.

— У него есть сходство съ нашимъ Иннокентіемъ — не правда-ли?

„Можетъ быть. Во всякомъ случаѣ, онъ человѣкъ замѣчательный“¹⁾.

Поговоривъ еще въ этомъ тонѣ, онъ прибавилъ:

— Я невѣжда, однакожь читалъ кое-что. Здѣшнихъ дѣлъ я еще не знаю: я всего два мѣсяца тутъ.

Затѣмъ онъ меня отпустилъ. Не знаю, доволенъ-ли будетъ Скрыпичинъ, если узнаетъ о моемъ отзывѣ о Головинскомъ. Онъ съ нимъ въ неладахъ и намекалъ мнѣ о своемъ желаніи, чтобы я возстановилъ министра противъ Головинскаго. Само собой разумѣется, я его намековъ не понялъ и сказалъ о митрополитѣ то, что дѣйствительно о немъ думаю. Я не забочусь объ обращеніи католиковъ въ православіе, да это и не мое дѣло. Моя роль чисто-нравственная.

Князя Ширинскаго-Шихматова я встрѣтилъ въ залѣ собирающимся выѣхать въ каретѣ. Онъ только что всталъ съ постели, въ которой живетъ почти всю зиму. Онъ похожъ на привидѣніе.

22. Прийдя сегодня на лекцію въ университетъ, я засталъ тамъ суматоху. Инспекторъ забиралъ у студентовъ тетради и, забравъ, поѣхалъ съ ними въ третье отдѣленіе. Вотъ въ чемъ дѣло. Графъ Орловъ получилъ, по городской почтѣ, безъимянное письмо, съ которымъ тотчасъ же поѣхалъ во дворецъ. Государь приказалъ непременно отыскать автора письма. Какъ-то добрались до лавочки, гдѣ было подаво письмо. Лавочникъ объ-

¹⁾ Въ архивѣ редакціи «Русской Старины» имѣется (съ апрѣля 1876 г.) интересное воспоминаніе покойнаго тайн. сов. О. А. Пржецлавскаго о митрополитѣ Головинскомъ; оно будетъ напечатано въ этомъ изданіи.

Ред.

явилъ, что его принесъ какой-то бѣдно одѣтый молодой человекъ, въ треугольной шляпѣ: должно быть студентъ. Вотъ и отбираютъ у студентовъ тетради, чтобы сличить почерки ихъ съ почеркомъ письма. Ничего однакоже до сихъ поръ не открыли. Тоже дѣлали и съ тетрадями гимназистовъ, и тоже ни въ чему не пришли. Содержаніе письма никому неизвѣстно.

24. Жить научаетъ одна только жизнь. Въ настоящее время недостаточно одной обыкновенной твердости. Нужно геройство, чтобы спасти въ себѣ святыхъ вѣрованій и не дать угаснуть въ себѣ искрѣ Божьей.

26. Вчера, вмѣстѣ съ другими членами правленія „Общества посѣщенія бѣдныхъ“, представлялся великому князю Константину Николаевичу въ Мраморномъ дворцѣ. Имѣющіе мундиръ были въ мундирахъ, остальные явились въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ.

27. Читалъ въ факультетѣ мое донесеніе о диссертацияхъ студентовъ, представленныхъ на золотую медаль. Задача состояла въ разборѣ Сумарокова, Фонъ-Визина, Княжнина и князя Шаховскаго. Представлены три диссертации. Одна никуда не годится. Двѣ превосходны. Авторы послѣднихъ очень серьезно отнеслись къ дѣлу. Они написали много, а главное умно, добросовѣстно — однимъ словомъ, прекрасно. Я потребовалъ у факультета по золотой медали для каждаго. Къ счастью, нашлась одна въ экономіи: факультетъ и совѣтъ согласились на этотъ разъ выдать двѣ медали. Одна изъ этихъ диссертаций написана студентомъ IV-го курса Пышинымъ, другая — студентомъ II-го курса Миллеромъ ¹⁾.

31. Еще новое и грандіозное воровство. Былъ нѣкто Политковскій, правитель дѣлъ комитета 18-го августа 1814 года. Въ комитетѣ накопился огромный капиталъ въ пользу инвалидовъ. Политковскій — камергеръ, тайный совѣтникъ, кавалеръ разныхъ орденовъ и пр. и пр. Онъ въ теченіи многихъ лѣтъ кралъ казенный интересъ, пышно жилъ на его счетъ, задавалъ пиры, содержалъ любовницъ. На дняхъ умеръ. Не задолго до его

¹⁾ Оба впоследствии весьма извѣстные и уважаемые ученые, публицисты, профессора и писатели — Александръ Николаевичъ Пышинъ и Орестъ Оедоровичъ Миллеръ († 1-го іюня 1889 г.).

смерти открылось, что онъ укралъ миллионъ двѣсти тысячъ рублей серебромъ! Говорятъ, государь очень огорченъ и разгнѣванъ. Въ самомъ дѣлѣ, горько видѣть такой развратъ — и не гдѣ нибудь въ глуши, между приказной мелочью, а въ кругу людей значительныхъ, въ своей столицѣ, чуть не у себя въ домѣ.

Февраль 9. Былъ на актѣ въ университетѣ, а потомъ обѣдалъ у (А. Н.) Карамзина. Послѣ обѣда читаны были неизданныя главы „Мертвыхъ душъ“ Гоголя. Продолжалось ровно пять часовъ, отъ семи до двѣнадцати. Эти пять часовъ были истиннымъ наслажденіемъ. Читалъ, и очень хорошо, князь (В. Ѳ.) Оболенскій.

10. Изучая сочиненія и жизнь представителей нашей умственной дѣятельности отъ Карамзина и до Гоголя включительно, видишь ясно въ ней два большія наслоенія. Въ одномъ господствуетъ первое, такъ сказать, весеннее вѣяніе духа истины и красоты. Души воспримчивыя, благородныя, нѣжно-настроенныя, ощутили надъ собой могущество великихъ вѣрованій человѣчества и радостно, беззавѣтно отдались первымъ впечатлѣніямъ этого отраднанаго знакомства. Таковы Карамзинъ и Жуковскій. Но въ этомъ прекраснодушіи еще узкій взглядъ на вещи. Это состояніе ювошеской неопытности, которая не вѣдаетъ зла. Это, если можно такъ выразиться, сластолюбивое отношеніе къ истинѣ и красотѣ, а не дѣятельность мужей, для которыхъ жизнь есть не игра въ прекрасныя чувства, а подвигъ и побѣда. Но лучшіе умы постепенно отрезвляются и перестаютъ смотрѣть на міръ сквозь близорукіе очки собственнаго сердца, которое видитъ лишь только то, что хочетъ видѣть, т. е. чѣмъ можетъ наслаждаться и съ чѣмъ можетъ мириться. Они ужъ глубже всматриваются въ вещи и находятъ, что тутъ не до сибаритской роскоши чувствъ. Душа болитъ отъ мерзостей и страданій человѣческихъ. Какъ тутъ быть? Запереться въ поэтическомъ прекраснодушіи, бесплодно томиться въ нѣжномъ участіи къ своимъ братьямъ, успокоивать себя бесплодными чаяніями лучшаго, а суровые, животрепещущіе вопросы о кровныхъ, существенныхъ страданіяхъ человѣка оставлять безъ разрѣшенія — однимъ словомъ, предоставлять міру идти, какъ онъ хочетъ, лишь бы не нарушалась гармонія нашей внутренней жизни? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!... И вотъ, подъ вліяніемъ новаго міровоззрѣнія,

въ литературѣ нашей начинается новое наслоеніе. Переходнымъ звеномъ здѣсь является Пушкинъ: онъ уже недоволенъ, тревоженъ, извѣстенъ, хотя и въ личномъ еще смыслѣ. За нимъ идетъ Лермонтовъ, а тамъ вдругъ вырастаетъ Гоголь.....

18. Еще воровство и на этотъ разъ воръ оказался юмористомъ. Въ Кіевѣ уѣздный казначей укралъ восемьдесятъ тысячъ рублей серебромъ и скрылся, оставивъ письмо слѣдующаго содержания: „Двѣнадцать лѣтъ служилъ я честно и усердно: это извѣстно и начальству, которое всегда было мною довольно. Не смотря на это, меня не награждали, тогда какъ другіе мои сослуживцы получали награды. Теперь я рѣшился самъ себя наградить“ и пр. Вора не нашли. Говорятъ, онъ успѣлъ скрыться за границу.

20. Былъ у меня князь Димитрій Александровичъ Оболенскій и читалъ мнѣ „Исповѣдь Гоголя“. Вещь въ высшей степени любопытная.

Князь Оболенскій разсказалъ мнѣ слѣдующія подробности о Гоголѣ, съ которымъ онъ былъ хорошо знакомъ. Онъ находился въ Москвѣ, когда Гоголь умеръ.

Гоголь кончилъ „Мертвыя души“ за границей — и сжегъ ихъ. Потомъ опять написалъ и на этотъ разъ остался доволенъ своимъ трудомъ. Но въ Москвѣ стало посѣщать его религіозное изступленіе и тогда въ немъ бродила мысль сжечь и эту рукопись. Однажды приходитъ къ нему графъ Толстой, съ которымъ онъ былъ постоянно въ дружбѣ. Гоголь сказалъ ему:

— „Пожалуйста, возьми эти тетради и спрячь ихъ. На меня находятъ часы, когда все это хочется сжечь. Но мнѣ самому было бы жаль. Тутъ, кажется, есть кое-что хорошаго“.

Графъ Толстой изъ ложной деликатности не согласился. Онъ зналъ, что Гоголь предается мрачнымъ мыслямъ о смерти и т. п. и ему не хотѣлось, исполненіемъ просьбы его, какъ бы подтвердить его инокондрическія опасенія. Спустя дня три, графъ опять пришелъ къ Гоголю и засталъ его грустнымъ.

— „А вотъ“, сказалъ ему Гоголь, — „вѣдь лукавый меня таки попуталъ: я сжегъ „Мертвыя души““.

Онъ не разъ говорилъ, что ему представлялось какое-то видѣніе. Дня за три до кончины, онъ былъ увѣренъ въ своей скорой смерти.

Въ „Исповѣди Гоголя“ господствуетъ религиозное настроеніе, не исключющее, однако, другихъ чувствъ: оно и благородно и скромно. Но въ Москвѣ послѣднее время онъ предавался такимъ страннымъ религиознымъ излишествамъ, которыя ставятъ въ тупицъ. Тутъ у него церковная формалистика какъ-бы подавляла настоящее религиозное чувство. Неужели это обычный психологическій ходъ религіознаго энтузіазма?

Въ дѣятельности душевныхъ силъ есть свой механизмъ, своя необходимость, по которой принятое понятіе или допущенное чувство непременно должны разрѣшиться такимъ, а не другимъ событіемъ, если только высшая сила, разумъ, не вмѣшается и не измѣняетъ теченія идей. Но почему люди даровитые особенно подвержены этого рода року и становятся его жертвами? Не отъ того-ли, что вообще всѣ явленія ихъ внутренней жизни сильнѣе, реальнѣе? Начавшись, они должны и довершить себя. Въ слабой головѣ все дѣлается и не дѣлается, готово чѣмъ-то быть и перестаетъ быть отъ перваго толчка другой силы, или другаго впечатлѣнія. Въ такой головѣ нѣтъ возможности образоваться чему-нибудь и созрѣть, тогда какъ умъ крѣпкій именно тѣмъ отличается, что у него все, что дѣлается, дѣлается, съ тѣмъ, чтобы изъ этого что-нибудь вышло. Тутъ мѣсто великимъ и прекраснымъ созданіямъ; тутъ также мѣсто и чудовищнымъ, вѣлпнымъ, смотря по тому, какимъ первоначальнымъ наитіемъ или понятіемъ руководится человѣкъ. Это именно свойственно людямъ даровитымъ, ибо дарованіе есть также умъ, но умъ односторонній, спеціальный. Сила его обращена на одно: онъ рѣдко способенъ возвыситься надъ самимъ собою, чтобы столько же править, сколько творить.

23. Къ слѣдующему акту университетскому я назначенъ произносить рѣчь. Не написать-ли: о нравственномъ элементѣ въ наукѣ и искусствѣ? Трудно сказать здѣсь что-либо новое, но предметъ идетъ во времени.

25. Дѣйствія цензуры превосходятъ всякое вѣроятіе. Чего этимъ хотятъ достигнуть? Остановить дѣятельность мысли? Но вѣдь это все равно, что велѣть рѣкѣ плыть обратно. Вотъ изъ тысячи фактовъ нѣкоторые самые свѣжіе. Цензоръ Ахматовъ остановилъ печатаніе одной ариѣметики, потому что между цифрами какой-то задачи тамъ помѣщенъ рядъ точекъ. Онъ подозреваетъ здѣсь какой-то умыселъ составителя ариѣметики.

Цензоръ Благинъ не пропустилъ въ одной географической статьѣ мѣста, гдѣ говорится, что въ Сибири ѣздятъ на собакахъ. Онъ мотивировалъ свое запрещеніе необходимостью, чтобы это извѣстіе предварительно получило подтвержденіе со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ.

Цензоръ Пейкеръ не пропустилъ одной метеорологической таблицы, гдѣ числа мѣсяца означены по старому и по новому стилю обыкновенно принятою формулою: ^{по стар. стилю} по ^{нов. стилю}. Онъ потребовалъ, чтобы на верху черточки стояло по новому стилю, а слово по старому—внизу. Таблицы, между тѣмъ, какъ состоящія изъ цифръ, представлены были на разсмотрѣніе уже по напечатаніи, такъ какъ нельзя было предвидѣть, чтобы онѣ могли подвергнуться запрещенію. Издателю предстояло вновь все печатать. Онъ обратился къ попечителю и, наконецъ, тотъ, по долгому и глубокому размышленіи, на силу согласился разрѣшить, чтобы таблицы остались въ первоначальномъ видѣ.

Цензора всѣ свои нелѣпости сваливаютъ на „негласный комитетъ“, ссылаясь на него, какъ на пугало, которое грозитъ наказаніемъ за каждое напечатанное слово.

Мартъ 4. Сегодня пришелъ ко мнѣ мой добрый (С. Ив.) Б—скій и объявилъ, что его выгнали изъ службы. Какъ? За что? Онъ служилъ начальникомъ счетнаго отдѣленія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. На-дняхъ вдругъ велѣно было произвести освидѣтельствованіе по департаменту денежныхъ суммъ, что теперь вошло въ обыкновеніе, послѣ знаменитаго воровства Политковскаго. Б—скій, какъ начальникъ счетнаго отдѣленія, долженъ былъ изготавить вѣдомость. Пересматривая ее въ торопяхъ, онъ не замѣтилъ, что писецъ пропустилъ одну сумму изъ десяти, значившихся въ вѣдомости, причемъ итогъ, однако, былъ вѣренъ. Эту ошибку замѣтилъ министръ, или кто-нибудь ему указалъ ее. По департаменту поднялась тревога. Б—скій рѣшился самъ отправиться въ министру, объяснить ему ошибку и исправить ее. Министръ встрѣтилъ его грозно и рѣзко спросилъ:

— „Какъ это случилось?“

„Ошибка произошла отъ торопливости“.

— „Я не признаю на службѣ ни торопливости, ни ошибокъ“.

И ничего больше. Казалось, все этимъ и кончилось. Не тутъ-то было. На третій день Б—скому велѣли подать въ отставку.

„Помилюйте! За что же? Въ отставку, прослуживъ безукоризненно 25 лѣтъ! У меня восемь душъ на попеченіи“.

— „Что же дѣлать?“ отвѣчалъ директоръ. — „Мнѣ очень жаль, тѣмъ болѣе, что за исключеніемъ настоящаго случая, вы всегда отличались даже педантическою аккуратностью. Но воля министра должна быть исполнена“.

Б—скій рѣшился вторично идти къ министру и просить его объ отъѣздѣ жестокаго приказанія. Покорно предсталъ онъ предъ нимъ и изложилъ свое дѣло.

— „Вы думаете, вѣрно“, отвѣчалъ министр, — „что начальники отдѣленія могутъ водить меня за носъ? Подавайте въ отставку!“

„Но, ваше высочайшее, это погубить цѣлое семейство. Умоляю васъ“...

— „Что? Вы еще сопротивляетесь? Знайте, что мнѣ всегда и вездѣ повиновались. Ступайте и подавайте въ отставку, или я васъ выгоню“.

Б—скій подалъ въ отставку. Теперь надо всѣми силами хлопотать, чтобы доставить этому бѣдному и достойному человѣку какое-нибудь занятіе, иначе ему дѣйствительно грозитъ гибель со всѣмъ семействомъ. Онъ не бѣденъ, а нищъ. Попытаюсь завтра у (А. М.) Княжевича. Подниму всѣхъ, кого можно.

6. Для бѣднаго Б—скаго все ничего не открывается. Есть свободное мѣсто директора Могилевской гимназіи, но попечитель нѣ-чисто мнѣ отказалъ, говоря, что назначаетъ на эти мѣста только изъ своихъ учителей.

14. Умеръ (Вас. Андр.) Каратыгинъ старшій. Умирать вещь обыкновенная, но вотъ, почти вдругъ, сходить со сцены жизни все умное, изящное, даровитое. Какъ гладко очищается поле для всяческихъ ничтожествъ! Русскій театръ въ теченіи послѣднихъ десяти дней потерялъ трехъ талантливыхъ представителей. Умеръ Брянскій. Умерла Гусева,—послѣдняя даже во время самаго представленія. Говорятъ, эти двѣ смерти сильно поразили Каратыгина. Онъ безпрестанно повторялъ слова, сказанныя ему Гусевою на похоронахъ Брянскаго:—„Вотъ и до насъ доходитъ очередь, Василій Андреевичъ: сперва я, а потомъ и вы“

Такъ и случилось. Да кстати, и Московскій театръ сгорѣлъ.

19. Новый предметъ для разговора въ гостинныхъ: Яковлевъ пожертвовалъ миллионъ рублей казнѣ.

Товарищъ министра (народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ) приглашалъ меня, чтобы поговорить объ адъюнктѣ (Вл. Алексѣев.) Милютинѣ¹⁾. Ему какое-то важное лицо говорило о лекціяхъ послѣдняго. Дѣло въ томъ, что Милютинъ задавалъ студентамъ темы для сочиненій по исторіи русскаго права. Одна изъ темъ слѣдующая: „Показать на основаніи лѣтописей и другихъ источниковъ, какія были у насъ совѣщательныя лица при князьяхъ, какъ они назначались, въ чемъ состояли ихъ обязанности, какъ они титуловались“

Важное лицо нашло эту тему почему-то либеральною. — „Вотъ“, сказалъ я товарищу министра, какъ истолковываютъ наши дѣла. Каждый считаетъ себя въ правѣ въ нихъ вмѣшиваться и распорядиться ими. Послѣ этого на лекціяхъ нельзя слова сказать, безъ опасенія, что его перетолкуютъ по своему и самую простую общую мысль науки обратятъ въ опасную либеральную идею. Чтобы мы, работники науки и образованія, могли успѣшно совершать свое дѣло, необходимо, чтобы мы были защищены отъ посягательствъ грубаго невѣжества“.

Абрамъ Сергѣевичъ, съ своей стороны, не нашелъ въ вышеозначенной темѣ ничего „неблагонамѣреннаго“ и обѣщался поговорить съ министромъ въ этомъ смыслѣ.

25. Никогда не унывай въ настоящей скорби, помня, что ты еще счастливъ тѣмъ, что съ тобой не случилось хуже, ибо худшее всегда возможно.

Отчаяніе—признакъ душевной слабости; надежда есть дитя легкомыслія. Лучше всего мужество, которое все сноситъ и не нуждается въ обольщеніи.

Чтобы ложь могла нравиться или имѣть успѣхъ, надо, чтобы она имѣла, если не вкусъ, то, по крайней мѣрѣ, запахъ и цвѣтъ истины.

Апрѣль 5. Есть одно важное официальное лицо, которое со мною лѣтъ пятнадцать состоитъ въ дружескихъ отношеніяхъ, и не смотря на свою нынѣшнюю официальную важность, сохраняетъ эти отношенія. Его пытался я заинтересовать въ пользу Б—скаго. Онъ много обѣщалъ и ничего не сдѣлалъ. Между

¹⁾ Профессоръ Влад. Алексѣев. Милютинъ род. 1826 г. † 5-го марта 1855 г.,—застрѣлялся. Ред.

тѣмъ бѣдный Б—скій въ страшномъ состояніи. Онъ, какъ выражается, пускаетъ въ оборотъ послѣднія капли крови, чтобы не дать умереть съ голоду семьѣ. Вчера я обращался къ (А. Н.) Карамзину, описалъ ему и женѣ его положеніе несчастнаго и просилъ для него мѣста по ихъ дѣламъ, или у кого нибудь изъ знакомыхъ ихъ. Они казались тронутыми, подали надежду.

9. Вчера, въ засѣданіи правленія „Общества посѣщенія бѣдныхъ“, присутствовалъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Онъ пріѣхалъ въ девять часовъ и просидѣлъ часа полтора, а уѣзжая выразилъ сожалѣніе, что не можетъ остаться дольше, ибо очень занятъ. Онъ былъ веселъ и привѣтливъ. Закурилъ сигару и предложилъ другимъ послѣдовать его примѣру. Однако, никто этимъ не воспользовался. Оно, пожалуй, и хорошо: зала засѣданія не велика и, еслибъ всѣ закурили, можно было бы задохнуться отъ дыму.

Секретарь на этотъ разъ началъ читать журналъ стоя. Великій князь освѣдомился: „развѣ это всегда такъ дѣлается?“ и, получивъ отрицательный отвѣтъ, приказалъ секретарю сѣсть. Онъ внимательно слѣдилъ за совѣщаніями, которыя шли обычнымъ порядкомъ. По временамъ дѣлалъ вопросы и свои замѣчанія, умно и встать. Къ лично знакомымъ ему членамъ, какъ-то: князю В. Ѳ. Одоевскому, Хрущову, Лонгинову, обращался особенно часто и любезно. Услышавъ имя одного бѣднаго: Гладкій, великій князь припомнилъ казачьяго атамана Гладкаго и рассказалъ о немъ, что это былъ одинъ изъ тѣхъ некрасовцевъ, которые возвратились въ Россію, во время Турецкой кампаніи, и перевозили въ лодкѣ черезъ Дунай государя. „Тогда всѣ были удивлены, какъ государь ввѣрился этимъ людямъ“, прибавилъ великій князь ¹⁾. Потомъ онъ осмотрѣлъ картину одного изъ нашихъ стипендіатовъ въ академіи художествъ, замѣтилъ, что у него большой талантъ и ласково ободрилъ молодаго художника, который былъ приглашенъ въ присутствіе. Уѣзжая, великій князь благодарилъ общество за все, что въ немъ видѣлъ и нашель. Вообще, посѣщеніе его во всѣхъ оставило хорошее впечатлѣніе.

¹⁾ См. въ «Русской Старинѣ» любопытный біографическій очеркъ: «Осипъ Ивановичъ Гладкій, кошевой атаманъ Запорожской сѣчи, 1789 — 1866 гг.» Сообщ. отставной подполковникъ Вас. Осипъ Гладкій. 1881 г., томъ XXX, стр. 381—392. Ред.

Министръ нашъ, князь Ширинскій-Шихматовъ, уволенъ за границу для излеченія болѣзни. Должность его приказано исполнять товарищу министра, А. С. Норову. Сомнительно однако, чтобы князь доѣхалъ до границы: всего вѣрнѣе, что онъ уѣдетъ за границу жизни.

10. Три экзамена разомъ столкнулись у меня на завтрашній день: въ университетѣ, въ аудиторскомъ училищѣ и въ педагогическомъ спеціальному классѣ Смольнаго монастыря, гдѣ будетъ присутствовать съ высочествомъ цесаревна. Пріятное стеченіе обстоятельствъ! Рѣшаюсь быть тамъ, гдѣ мое присутствіе нужнѣе, а именно въ аудиторскомъ училищѣ. Между прочимъ, ѣздилъ къ попечителю съ просьбою отложить на понедѣльникъ экзаменъ въ университетѣ. По нѣкоторомъ колебаніи, онъ согласился. О невозможности мнѣ быть въ Смольномъ монастырѣ я уже говорилъ Тимаеву. Оставалось съѣздить къ ректору и декану предупредить ихъ о согласіи попечителя. Все утро съ этимъ провозился. За то кончилъ его хорошо. Заѣхалъ къ Карамзину и окончательно устроилъ дѣло Б—скаго. Его опредѣляютъ на контору по Демидовскимъ дѣламъ, сначала на сто рублей серебромъ въ мѣсяцъ, а потомъ предоставятъ ему мѣсто, которое навсегда можетъ обезпечить его. Б—скій ожилъ. Ну, слава Богу и большое спасибо Карамзину: по крайней мѣрѣ спасень человѣкъ вполне достойный уваженія и участія.

11. Экзаменъ въ аудиторской школѣ. Былъ военный министръ и кое-кто изъ генераловъ, но не много. Большинство поѣхало въ судъ, гдѣ нынче объявляютъ высочайшую конфирмацію по дѣлу о Политковскомъ.

Экзаменъ шелъ прекрасно. Я, между прочимъ, долго говорилъ съ адмираломъ Рикордомъ. Это одинъ изъ замѣчательныхъ людей нашего времени. Ему семьдесятъ четыре года, но онъ свѣжъ, бодръ, веселъ, полонъ участія ко всему хорошему и благородному, а доброта его готова войти въ поговорку. Я познакомился съ нимъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, слѣдующимъ образомъ. На университетскомъ актѣ ко мнѣ подходитъ морской генералъ и говоритъ:—„Я уже знакомъ съ вами, но мнѣ пріятно ближе познакомиться. А знаете ли вы, гдѣ я сперва познакомился съ вами? Въ Греціи“.

„Какъ въ Греціи?“

— „Да! Я стоялъ съ эскадрою близъ Пирея и тамъ прочелъ вашу прекрасную статью о дѣвицѣ Кульманъ: съ той поры я далъ себѣ слово, по возвращеніи въ Россію, лично узнать автора ея и вотъ теперь радъ, что вижу васъ“.

Рикордъ—другъ всѣхъ ученыхъ и литераторовъ. Онъ былъ въ очень близкихъ отношеніяхъ съ Н. А. Полевымъ; по смерти послѣдняго взялъ подъ свое покровительство семью его и былъ главнымъ виновникомъ денежнаго сбора въ ея пользу, который, говорятъ, принесъ ей тысячъ до двадцати пяти. До сихъ поръ семейство Полеваго видитъ въ Рикордѣ отца и друга. Вообще, гдѣ только доброе дѣло, тамъ и Рикордъ. И доброта его не ограничивается одними теплыми словами и изъявленіями участія. Нѣтъ! Онъ настойчивъ и дѣятеленъ. Онъ готовъ поднять все и всѣхъ на ноги для оказанія помощи и добиться того, чтобы участіе его не было бесплодно. И все это дѣлается у него чрезвычайно просто. Ни тѣни тщеславія, ни капли усталости, или охлажденія! Удивительный, рѣдкій человѣкъ!

14. Сегодня я слышалъ, что обо мнѣ пошло представленіе военному министру отъ начальства аудиторской школы. Меня представляютъ къ чину дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ.

15. Былъ вечеромъ у товарища министра, который нынѣ управляетъ министерствомъ. Онъ говорилъ о затруднительномъ своемъ положеніи, жаловался на недостатокъ друзей. Департаментскіе чиновники не болѣе, какъ канцеляристы. Въ трогательныхъ выраженіяхъ припомнилъ онъ нашу старинную дружбу и просилъ меня помогать ему. Мы условились, что важнѣйшія дѣла онъ будетъ сообщать мнѣ для предварительнаго обсужденія и для соображеній. Теперь на очереди важное дѣло: Блудовскій проэктъ о преобразованіи университетовъ. Этотъ проэктъ выработанъ въ комитетѣ, особо учрежденномъ подъ предсѣдательствомъ Блудова. Абрамъ Сергѣевичъ просилъ меня сегодня заготовить по этому дѣлу бумагу.

27. Узналъ сегодня объ исходѣ представленія меня по военному министерству къ чину дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Государь на представленіе отвѣчалъ, что „еще рано“, а когда военный министръ замѣтилъ, что я уже девять лѣтъ въ чинѣ статскаго совѣтника, его величество повторилъ: „все таки

рано еще". И впрямь рано: ну какой я, въ самомъ дѣлѣ, генераль.

Май 2. Умеръ докторъ Богуславскій, хорошій врачъ, подъ угрюмой наружностью скрывавшій золотое сердце. Онъ былъ еще не старъ, здоровъ и крѣпокъ, но вотъ его сразила холера. Не мудрено, что послѣдняя опять начала сильнѣе востить: холодно такъ, что хотъ опять полѣзай въ шубу.

5. Умеръ министръ народнаго просвѣщенія, князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ, въ двѣнадцатомъ часу ночи. Кончина его была тиха и спокойна. За часъ до смерти онъ еще былъ въ полной памяти, говорилъ, прощался съ окружающими, потомъ сказалъ, что хочеть соснуть и просилъ оставить его одного. Онъ и дѣйствительно заснулъ—въчымъ сномъ. Присутствующіе не замѣтили никакихъ признаковъ агоніи, только услышали легкое хрипѣніе: это былъ послѣдній вздохъ.

Князь Шихматовъ былъ добръ и по природѣ и по убѣжденію христіанина, справедливъ, простъ и доступенъ. Онъ не отличался, подобно своему предшественнику (Уварову), ни блестящимъ умомъ, ни даромъ слова. Его умъ вращался въ сферѣ практической администраціи, гдѣ онъ и пріобрѣлъ много знанія и навыка. Онъ собственно не былъ государственнымъ челоѣкомъ—да и гдѣ же у насъ государственные люди?—и постъ министра засталъ его, такъ сказать, въ расплохъ, неожиданно. Онъ самъ сознавалъ свою несостоятельность въ этомъ отношеніи. Но, надо сказать правду, что на его долю выпало управлять министерствомъ въ тяжелое время, когда съ одной стороны возстали противъ просвѣщенія поборники прежней до петровской тьмы, а съ другой смущенное правительство терялось и не знало, чего ему держаться. Министерство оказалось, такъ сказать, ущемленнымъ между негласнымъ архи-ценсурнымъ комитетомъ 2-го апрѣля и между комитетомъ для пересмотра постановленій послѣдняго, подъ предсѣдательствомъ Блудова. Подъ министерство подкапываются со всѣхъ сторонъ; оно сдѣлалось какою-то сомнительною отраслью государственнаго управленія, а представитель его, министръ, скорѣе отвѣтное лицо передъ допросами, чѣмъ государственный чиновникъ. Князь Шихматовъ хотѣлъ честно и добросовѣстно выполнять свою тяжкую миссію.

Въ бумагахъ, которыя я получалъ отъ его товарища по разнымъ важнѣйшимъ вопросамъ, вездѣ видно благородное усиліе защищать дѣло просвѣщенія и отклонять слишкомъ рѣзкія преобразовательныя мѣры, клонящіяся къ стѣсненію его. Но онъ не имѣлъ достаточно ни нравственнаго, ни гражданскаго мужества, чтобы смѣло повернуть противъ вѣтра руль своего корабля, со всѣхъ сторонъ обуреваемого грозною борьбою стихій. Онъ изнемогъ въ этой борьбѣ и, можно съ достовѣрностью сказать, что она сократила срокъ его жизни. Болѣзнь и смерть его были слѣдствіемъ чрезмѣрнаго напряженія силъ и огорченій. Нельзя оставить безъ вниманія и другихъ скорбей его незавидной доли. Онъ не имѣлъ также никакого значенія, или, какъ говорится, вѣса, даже въ глазахъ своихъ подчиненныхъ. На него смотрѣли съ нѣкотораго рода пренебреженіемъ, которое было естественнымъ слѣдствіемъ его политическаго безсилія, но котораго онъ не заслуживалъ ни по чувствамъ, ни по дѣламъ своимъ. А сколько и какъ кидали въ него грязью и въ обществѣ и въ кругу ученыхъ! Между тѣмъ никто и не подозрѣвалъ какъ это тяжело ему.

Вотъ уже два министра народнаго просвѣщенія сдѣлались жертвою бури, налетѣвшей на наше и безъ того еще слабое и шаткое просвѣщеніе—онъ и Уваровъ. Уваровъ тоже много вытерпѣлъ въ послѣднее время своего министерства. Когда онъ зашатался на своемъ мѣстѣ, многое ему уяснилось и мнѣ приходилось не разъ быть свидѣтелемъ его скорби. Тогда и я лучше узналъ этого человѣка и могъ оцѣнить его хорошія стороны—его несомнѣнный умъ, который, во время его силы, часто заслонялся тщеславіемъ и мелкимъ самолюбіемъ. Къ сожалѣнію, и онъ, какъ Шихматовъ, не былъ одаренъ силами, необходимыми для временъ бурныхъ и опасныхъ. Правъ Ростовцевъ, который на-дняхъ мнѣ сказалъ:

— „Ни одинъ человѣкъ, глубоко и основательно мыслящій, не согласится теперь принять на себя званіе министра народнаго просвѣщенія. Для этого надо имѣть колоссальную силу, какой у насъ никто не имѣетъ“.

Удержится ли Норовъ на этомъ мѣстѣ? Или и онъ также будетъ жертвою? У него благородное сердце и намѣренія у него благія, но едва ли достанетъ у него силъ. Хотя онъ и говорить,

что готовъ пожертвовать собою, то есть своимъ чиновнымъ значеніемъ, за дѣло просвѣщенія, но станеть ли у него на это мужества? Ему недостаетъ, между прочимъ, и того практическаго смысла и того навыка къ дѣламъ, какой всетаки былъ у Шихматова, а помощниковъ у него нѣтъ. Пока онъ мнѣ довѣряеть, я готовъ, по его желанію, помогать ему во всякомъ благородномъ дѣлѣ, со всею добросовѣстностью и на сколько хватитъ моего умѣнья—и я ему это обѣщаль. Но, во-первыхъ, я здѣсь не официальное лицо и многое можетъ идти мимо меня. Во-вторыхъ, я не могу, ради этого, отказаться отъ всѣхъ остальныхъ моихъ дѣлъ: я долженъ также трудиться для насущнаго хлѣба моей семьи... Но, не будемъ забѣгать впередъ, а будемъ дѣлать то, что предпишетъ совѣсть.

8. Похороны министра Ширинскаго-Шихматова. Его отвезли въ Сергіевскій монастырь. Я проводилъ его до Московской заставы. Изъ первоклассныхъ сановниковъ былъ Блудовъ.

Написалъ письмо къ князю (В. Ѳ.) Одоевскому, что не могу больше состоять дѣятельнымъ членомъ „Общества посѣщенія бѣдныхъ“.

Вечеромъ меня опять призывалъ къ себѣ Абрамъ Сергѣевичъ Норовъ. Еще сильнѣе жаловался онъ на свои затрудненія, говорилъ, что возлагаетъ всѣ свои надежды на меня. Ахъ, плохо! Какъ ожидать стойкости отъ того, кто не полагается прежде всего на самого себя и на силу собственныхъ убѣжденій? Какъ бы онъ ни былъ просвѣщенъ и гуманенъ, онъ неспособенъ долго противиться натиску враждебныхъ обстоятельствъ....

22. Прекрасный теплый день. Утромъ я прошелся по деревнѣ Купелевкѣ, обошелъ весь Беклешовъ садъ: это моя первая прогулка, послѣ довольно серьезной болѣзни, которая и семью мою задержала въ городѣ дольше, чѣмъ слѣдовало. Мы только вчера переѣхали на дачу, хотя погода уже давно манила туда. Теперь сию въ моемъ крохотномъ кабинетикѣ и приступаю къ серьезнымъ работамъ, которыхъ накопилась масса за двѣ недѣли моей болѣзни.

25. Ѣздилъ въ городъ. Вечеромъ работалъ съ Абрамомъ Сергѣевичемъ по дѣламъ комитета о преобразованіи учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія. Я долженъ за-

готовить записку объ этомъ. Удастся ли что нибудь вырвать изъ рукъ всякихъ „негласныхъ“ въ пользу нашего бѣднаго гонимаго просвѣщенія?

Іюнь 2. Въ городѣ. Духота. Вчера вечеръ провелъ за дѣлами съ Абрамомъ Сергѣевичемъ. Записка о проектахъ Блудовскаго комитета, наконецъ, написана. Министръ остался доволенъ. Онъ только пожелалъ смягчить нѣсколько рѣзкихъ мѣстъ. Моя основная идея, съ которой и онъ согласился: ничего не преобразовывать, а только улучшать. Бываютъ эпохи, когда духъ преобразованій можетъ творить только зло, касаясь учреждений укоренившихся и польза которыхъ доказана опытомъ. Мысль преобразовать министерство народнаго просвѣщенія возникла подъ вліяніемъ паническаго страха, вызваннаго европейскими событіями 1848 года. Тогда вошло въ обычай во всемъ обвинять министерство народнаго просвѣщенія. Государю подано было нѣсколько проектовъ преобразованія его—совсѣмъ не государственныхъ. Нѣкоторые отличаются даже изумительной безграмотностью. Напримѣръ, проектъ Переверзева, который былъ когда-то и гдѣ-то губернаторомъ; тамъ, говорятъ, заворовался, былъ уволенъ, долго оставался безъ мѣста, а потомъ былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Я знаю его лично. Это круглый невѣжда, къ тому же не трезвый. Хорошо также проектъ московскаго генералъ-губернатора Закревскаго. Кажется, слѣдовало бы оставлять безъ всякаго вниманія подобныя изліянія усердія и преданности престолу. Однако былъ назначенъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ Блудова, который, конечно, не раздѣляетъ обскурантскихъ идей всѣхъ этихъ господъ, но предлагаетъ замѣнить ихъ мѣры тоже не мудрыя.

Вникая во всѣ эти государственныя и административныя дѣла, приходишь къ одному печальному заключенію: какъ мы бѣдны государственными людьми! Какой-нибудь невѣжда можетъ пустить въ ходъ совсѣмъ нелѣпное понятіе и колебать имъ цѣлый рядъ учреждений, прикрываясь мнимой преданностью и усердіемъ... Вездѣ бьетъ въ глаза нетвердость основныхъ началъ, поверхностность, опрометчивость, непослѣдовательность, неумѣнье вникать въ сокровенныя и тонкія соотношенія вещей, чтд однако необходимо, когда хотятъ создать изъ нея стройную, богатую послѣдствіями систему.

10. Вчера и сегодня въ городѣ. Вчера до часу ночи занимался съ Абрамомъ Сергѣевичемъ. Сегодня ѣздилъ въ Царское село, по приглашенію графини Клейнмихель, и заѣзжалъ къ М. Н. Мусяну-Пушкину. Возвратясь, обѣдалъ у Абрама Сергѣевича.

11. Ночевалъ въ городѣ. Былъ на публичномъ экзаменѣ военно-учебныхъ заведеній. Меня на этихъ экзаменахъ всегда радуешь наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ. Онъ и на этотъ разъ, съ одиннадцати часовъ утра и до четырехъ, неутомимо слѣдилъ за экзаменомъ, принимая во всемъ самое радужное и живое участіе. Наука, очевидно, его не пугаетъ. Экзаменъ былъ изъ физической географіи и изъ исторіи.

16. Нынче совсѣмъ не пользуюсь дачной жизнью. Вотъ и теперь всѣ прошедшіе дни обрабатывалъ проектъ о предоставленіи аудиторскому училищу нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ. Вчера только кончилъ его, а сегодня, какъ говорится, спустилъ съ рукъ, т. е. представилъ кому слѣдуетъ. Работы было много, но будетъ ли успѣхъ? Польза общественная вообще понятіе шаткое. Она страшная кокетка и рѣдко удовлетворяетъ того, кто всего больше за нее распинается.

Есть у Нибура слѣдующее положеніе: „великія эпидеміи или заразы совпадаютъ съ эпохами упадка цивилизаціи“. Мысль эта меня поразила. Наше время какъ бы служить ей подтвержденіемъ. На нашихъ глазахъ, холера и нравственное разслабленіе идутъ рука объ руку, подрывая самыя свѣтлыя и великія вѣрованія. Даже въ частности замѣчаемъ, что люди съ менѣе хилымъ духомъ какъ будто не такъ легко подвергаются заразѣ, или выдерживаютъ ее счастливѣе.

19. Въ городѣ. Читалъ генералу Пильхау, директору департамента военныхъ поселеній, мою записку объ Аудиторскомъ училищѣ. Онъ одобрилъ ее. Генералъ Роговской хотѣлъ еще, чтобы я ѣхалъ съ нимъ по этому же дѣлу къ генералъ-оберъ-аудитору. Но отъ этого я ужъ отказался: меня ждалъ Норовъ и приближался часъ урока у Бенардаки, который я рѣшился взять на себя, такъ какъ только благодаря ему, могу обезпечить пребываніе на дачѣ моей семьи.

22. Экзаменъ въ римско-католической академіи: ничѣмъ не отличался отъ другихъ экзаменовъ тамъ же. Прескверный обы-

чай у учениковъ этой академіи: все заучивать наизусть! Сколько я ни старался отучить ихъ отъ этого въ моемъ предметѣ, никакъ не могъ. Имъ велѣно въ богословскихъ наукахъ держаться буквы — вотъ они и вездѣ держатся ея. Воспитанники нашей православной академіи гораздо свободнѣе въ этомъ отношеніи — по крайней мѣрѣ были свободнѣе, лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Я имѣлъ тогда сношенія съ этими молодыми людьми. Они были хорошо образованы, прекрасно знали древніе и даже новыя языки, самостоятельно мыслили. Меня съ ними сблизили ихъ литературныя попытки. Я помогъ имъ тогда перевести и издать: „Исторію литературы Вахлера“, — напечатана была только первая часть, остальные были переведены, но переводчики удалились въ провинцію, а тотъ, кому они поручили здѣсь изданіе, обманулъ ихъ довѣріе; изданіе, разумѣется, остановилось, не смотря на то, что, по моему ходатайству, министръ Уваровъ ввелъ эту книгу въ гимназіи, да и вообще она хорошо шла; — „Курсъ философіи Жерюзе“; „Исторію французской литературы Баранта“ и т. д. Много очень хорошихъ статей также написано ими и напечатано, подъ моей редакціей, въ „Энциклопедическомъ лексиконѣ“. Но бѣда въ томъ, что нравственное воспитаніе ихъ далеко уступало умственному развитію. Трое изъ нихъ, по окончаніи курса, спились съ круга, а четвертый умеръ въ чахоткѣ. Въ періодъ моего знакомства съ ними, я всячески старался воодушевлять ихъ и пробуждать въ нихъ чувство самоуваженія. При большихъ познаніяхъ, при умѣ и добрыхъ качествахъ сердца, эти молодые люди были проникнуты какимъ-то чувствомъ униженія, которое угнетало ихъ, а въ заключеніе и погубило.

Юль 6. Нѣкто (Левъ Александр.) Мей покупаетъ у Масальскаго „Сынъ Отечества“ и приглашаетъ меня быть редакторомъ его, на томъ же основаніи, какъ въ свое время „Современникъ“. Но я уже испробовалъ прелестей такого редакторства, да вдобавокъ и покупка еще не состоялась. Я отвѣчалъ, что во всякомъ случаѣ, прежде всего, надо подумать о приобрѣтеніи журнала и о средствахъ его издавать, а потомъ уже разсудимъ, могу я или нѣтъ принять редакторство его.

7. Бѣздилъ съ Краевскимъ въ Ораніенбаумъ къ нашему общему врачу Шипулинскому. Это была хорошая прогулка.

Мы въ четыре часа отправились на пароходъ въ Петергофъ, а оттуда въ дилижансѣ въ Ораніенбаумъ. Я лѣтъ двадцать какъ не былъ въ Петергофѣ. Впрочемъ, я и теперь не вадѣлъ его, такъ какъ не останавливался въ немъ. Дорога отъ Петергофа до Ораніенбаума пріятная: справа заливъ, слѣва—цѣпь холмовъ съ красивыми дачами, тонущими въ зелени садовъ. Я взобрался на козлы дилижанса, рядомъ съ кучеромъ, и оттуда съ высоты обозрѣвалъ окрестности.

9. Холера въ послѣдніе дни въ городъ дѣйствуетъ слабѣе.

Дядя Маркъ ¹⁾ приглашаетъ меня вмѣстѣ съ нимъ ѣхать въ деревню (въ Витебскую губ.). Онъ самъ взялъ отпускъ на 28 дней и уѣзжаетъ въ субботу. Я не могу такъ скоро собраться и потому, если рѣшусь ѣхать, то поѣду ужъ одинъ попозже. Прежде надо кончить для А. С. Норова дѣло по Блудовскому комитету: тамъ открылось нѣсколько новыхъ обстоятельствъ и то, что я уже написалъ, требуетъ теперь пополненій. Да и уроки у Бенардаки не могутъ быть такъ, сразу, оборваны.

14. Отдалъ А. С. Норову уже совсѣмъ оконченную записку по Блудовскому комитету.

Сентябрь 1. Августъ провелъ въ поѣздѣ въ Витебскъ, а теперь, вернувшись, опять принялся за усиленные занятія съ Абрамомъ Сергѣевичемъ.

27. Ѣздилъ въ Павловскъ къ Норову. Много толковъ о министерскихъ дѣлахъ. Въ заключеніе онъ просилъ меня приготовить двѣ записки: одну о ценсурѣ вообще, другую о Давыдовскомъ комитетѣ. Авось не удастся-ли обуздать и то и другое.

Сильно подумываю оставить аудиторское училище. Силъ моихъ не хватаетъ. Да теперь мнѣ тамъ, собственно говоря, и оставаться не за чѣмъ. Если они захотятъ принять мой проеѣтъ, то и безъ меня осуществлять его, а не захотятъ, такъ еще меньше поводовъ оставаться мнѣ тамъ.

30. Былъ на актѣ въ педагогическомъ институтѣ. Тамъ праздновался двадцатипятилѣтній юбилей его. Были три чтенія: все хвалебные гимны самимъ себѣ. Особенно странно было слышать, какъ секретарь, читавшій отчетъ, во всеуслышаніе

¹⁾ Членъ государств. совѣта, д. тайн. сов. Маркъ Николаевичъ Любошинскій, † 1889 г., родственникъ жены автора.

объявилъ, что опредѣленіе въ директоры педагогическаго института И. И. Давыдова составляетъ эпоху въ исторіи этого заведенія, которое съ этого только времени начало совершенствоваться и процвѣтать. И это говорилось въ глаза Ивану Ивановичу. Онъ выслушалъ, не сморгнувъ.

Октябрь 2. Подалъ генералу Роговскому просьбу объ увольненіи меня изъ аудиторскаго училища. Двадцать одинъ годъ проработалъ я тамъ.

16. Абрамъ Сергѣевичъ отправлялъ составленный мною проэктъ системы нашего образованія, особенно университетскаго, Якову Ивановичу Ростовцеву, прося его сообщить ему свои замѣчанія. Проэктъ этотъ одновременно служитъ и отчетомъ министерства на предположенія Блудовскаго комитета. Ростовцевъ не предложилъ никакихъ измѣненій.

20. Война. Говорятъ, турки перешли Дунай, или заняли одинъ изъ островковъ, который командуетъ переправой. Наша флотилія, ходятъ слухи, пострадала на Дунаѣ.

21. Видѣлся съ Гаевскимъ. Дѣло идетъ о передачѣ мнѣ редакціи журнала „Министерства Народнаго Просвѣщенія“.

Ноябрь 15. Празднованіе въ Смольномъ монастырѣ двадцатипятилѣтія со дня принятія императрицею заведеній вѣдомства Маріи въ свое завѣдываніе. Обѣдню служилъ митрополитъ, затѣмъ состоялся торжественный обѣдъ въ большомъ залѣ. Тамъ встрѣтилъ я многихъ изъ своихъ бывшихъ ученицъ: онѣ привѣтствовали меня, какъ друга.

27. Въ октябрьской книжкѣ „Библіотеки для Чтенія“ напечатана рецензія на „Прописи“, гдѣ разобрана и разругана статья Авдѣева о храмѣ Св. Петра въ Римѣ. Въ рецензіи, между прочимъ, сказано:

— Жаль, очень жаль, что «Прописи» издаются не на французскомъ языкѣ: такого вадору не посмѣлъ бы господинъ Авдѣевъ написать на языкѣ академіи надписей и господинъ Леонтьевъ (издатель Прописей) навѣрно не рѣшился бы напечатать для назиданія всей Европы того, что счелъ за довольно хорошее для насъ. Удивительно, что даже и въ русскомъ изданіи, въ которомъ можно пороть дичь безнаказанно, господинъ Леонтьевъ не употребилъ своей издательской власти на устраненіе, по крайней мѣрѣ, этой наглой нечестности!»

Плоско и неприлично! Но комитетъ 2-го апрѣля, или негласный, вмѣсто литературнаго безвкусія, увидѣлъ здѣсь цѣлое

преступленіе, а именно нашелъ, что тутъ „оскорблены русская литература и русское сужденіе“. Такъ точно донесъ онъ и государю. Велѣно сдѣлать цензору строгій выговоръ и спросить: „Кто писалъ статью?“ Мы съ Абрамомъ Сергѣевичемъ долго ломали голову, какъ бы спасти Сенковскаго, ибо онъ авторъ ея. Рѣшили въ отношеніи комитету сказать всевозможное въ пользу его, снесася предварительно съ Дубельтомъ.

29. Недовольство моими лекціями въ университетѣ, которое я нѣсколько времени ощущалъ, слава Богу, прошло. Я опять овладѣлъ собою и это отражается и на моихъ слушателяхъ, которые кажутся наэлектризованными. Аудиторію мою посѣщаютъ даже студенты, не обязанные меня слушать, изъ другихъ факультетовъ.

Декабрь 6. Сенковскому велѣно сдѣлать строжайшій выговоръ (черезъ министра) съ внушеніемъ, что „такія статьи не только не приносятъ пользы литературѣ, но, напротивъ, вредятъ ей“. Ну, слава Богу, дѣло обошлось легче, чѣмъ всѣ мы ожидали.

14. Великолѣпное торжество въ Смольномъ монастырѣ все въ честь того-же двадцатипятилѣтія съ тѣхъ поръ, какъ нынѣ царствующая императрица Александра Федоровна приняла подъ свое покровительство женскія учебныя заведенія. Мы, вмѣстѣ съ Абрамомъ Сергѣевичемъ, поѣхали туда въ семь часовъ. Часъ спустя, прибыла вся царская семья. Начались характеристическіе танцы, которые имѣли цѣлью пантомимой выразить императрицѣ любовь и признательность дѣтей. Хоръ дѣвицъ пропѣлъ стихи, сочиненные на этотъ случай Бенедиктовымъ. Потомъ на нарочно устроенной для того эстрадѣ были поставлены живыя картины съ аллегорическимъ изображеніемъ добродѣтелей государыни: милосердія, любви къ искусствамъ, наукамъ и т. д. Группы изъ молоденькихъ, свѣжихъ и красивыхъ монастырскихъ были очень изящны и эффектны. Затѣмъ пошли обыкновенные танцы, въ которыхъ участвовали и великіе князья. Государь, почти все время стоя, любовался оживленнымъ зрѣлищемъ. Но онъ мало къ кому обращался съ разговоромъ, однако сдѣлалъ исключеніе въ пользу Абрама Сергѣевича, котораго самъ нашелъ въ тѣсной толпѣ военныхъ и статскихъ сановниковъ. Ояъ

съ полчаса продержалъ его около себя и, между прочимъ, сказалъ ему:

— „Я очень доволенъ студентами: они такъ хорошо себя держатъ; у нихъ таковой бодрый видъ“.

Поровъ на это отвѣчалъ, что „онъ ручается за то, что каждый изъ нихъ готовъ стать въ ряды русскаго побѣдоноснаго войска и черезъ два мѣсяца быть офицеромъ“.

Государь еще говорилъ съ Броневскимъ и какою-то дамою. Въ началѣ одиннадцатаго дворя уѣхалъ. Абрамъ Сергѣевичъ очень доволенъ благосклоннымъ вниманіемъ въ нему государя, но, надо ему отдать справедливость, не только лично за себя, но и потому, что видитъ въ томъ залогъ успѣха для дѣла, которому дѣйствительно хочетъ честно служить.

15. Сегодня въ церкви Смольнаго монастыря—все по случаю юбилея императрицы—былъ молебенъ, на которомъ опять присутствовалъ государь и часть его семьи. По окончаніи молебна всѣхъ присутствовавшихъ представляли государынѣ: у ней для каждаго нашлось ласковое, привѣтливое слово.

17. Съ девяти часовъ утра и до половины четвертаго, почти не вставая съ мѣста, работалъ надъ составленіемъ важной записки для государя. Дѣло идетъ о слияніи комитета 2-го апрѣля съ главнымъ управленіемъ цензуры. Это смѣлый шагъ. Комитетъ дѣлаетъ много зла. Абрамъ Сергѣевичъ хочетъ предварительно показать записку графу Д. Н. Блудову, который тоже весьма не одобряетъ дѣйствій комитета.

18. Булгарину велѣно сдѣлать строжайшій выговоръ за статью объ извопчикахъ.

23. Былъ, по приглашенію, на выпускномъ экзаменѣ въ Маріинскомъ институтѣ. Присутствовала великая княгиня Елена Павловна. При всякой новой встрѣчѣ съ ней не можешь не отдать ей должнаго за умъ, образованіе, за любезность и тактъ. Во время завтрака она много, тонко и умно говорила о Гоголѣ и о Рашели.

На дняхъ Фетъ (Шеншинъ) читалъ у меня свой переводъ Горациа. Это капитальный трудъ нѣсколькихъ лѣтъ и дѣйствительно цѣнный вкладъ въ нашу литературу.

25. Въ Екатерининскомъ институтѣ есть дѣвочка Попаподопуло, лѣтъ четырнадцати. Изъ газетъ она узнала о смерти

своего брата, убитого въ сраженіи съ турками. Подруги изъявляли ей участіе и одна изъ нихъ спросила: — „Жаль-ли ей брата?“ — „Чего жалѣть“, отвѣчала она: — „онъ погибъ за царя и отечество.“ Объ этомъ довели до свѣдѣнія государя и его величество назначилъ дѣвицѣ Попандонуло пенсію въ тысячу рублей до выхода замужъ — „за религіозно-вѣрнопопданническія чувства“, какъ сказано въ официальной бумагѣ. Сверхъ того, при выпускѣ изъ института, ей велѣно выдать еще тысячу рублей, а когда она будетъ выходить замужъ, то довести о томъ до свѣдѣнія двора и тогда ее снабдить приданымъ.

30. Вчера въ торжественномъ годичномъ засѣданіи академіи наукъ меня избрали членомъ-корреспондентомъ ея по отдѣленію русскаго языка. Я не былъ въ этомъ засѣданіи.

Теперь занимаетъ меня рѣчь къ университетскому акту. Я выбралъ темою: „объ эстетическомъ элементѣ въ наукѣ“ и пишу ее въ промежутки между приступами жестокой головной боли, которая меня мучаетъ уже двѣ недѣли. Надо во что бы то ни стало дописать рѣчь въ теченіи праздниковъ: потомъ будетъ некогда, а актъ у насъ 8-го февраля.

А. В. Никитенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).